

ДАВИД РИКАРДО

Начала

политической экономии
и налогового обложения

Давид Рикардо

**Начала политической экономии
и налогового обложения**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рикардо Д.

Начала политической экономии и налогового обложения /
Д. Рикардо — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Начала политической экономии» - работа известного английского исследователя Давида Рикардо, в которой отображены основные взгляды автора на экономическую теорию. В своей книге автор излагает теорию стоимости труда, определяет правила, которые управляют распределением ренты, заработной платы и прибыли между собственниками земли, трудящимися и промышленниками. Читатель также найдет здесь взгляды Рикардо на функционирование налогов, его изложение позиций известных ученых Адама Смита, Томаса Роберта Мальтуса и Бернарда Бозанкета. Книга будет интересна специалистам в области экономики и бизнеса, всем, кто хочет ознакомиться с историей политической экономии.

© Рикардо Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЖИЗНЬ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	18
ПРЕДИСЛОВИЕ ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ	20
НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	21
ГЛАВА I	21
Отделение первое	21
Отделение второе	26
Отделение третье	27
Отделение четвертое	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Давид Рикардо
НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Перевод Н. Зибер. С приложениями переводчика.

ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАВИДА РИКАРДО

Давид Рикардо родился 19 апреля 1772 года. Отец его, голландский еврей, пользовавшийся у своих современников репутацией человека строгой честности и весьма способного, рано переселился в Англию, где приобрел себе большое состояние биржевыми операциями, и Сын его, Давид, предназначался им к тому же роду занятий и получил, частью в Англии, частью в Голландии, где пробыл два года, такой род образования, какой обыкновенно дается молодым людям, готовящимся к торговой профессии.

Классического образования он не приобрел, и мы не беремся решить,
— говорит Мак Куллох, —

насколько справедливо предлагали вопрос, могло ли оно принести ему
большую пользу и заставить его искать отдохновения в изучении изящной
литературы, вместо строгой работы мышления, а также не могло-ли оно
побудить его к усвоению мнений, основанных на авторитете, вместо того,
чтобы приняться за трудные исследования причин, лежащих в основании
таких мнений.

С 14-летнего возраста Давид стал заниматься на бирже, но ни тогда, ни впоследствии он не был совершенно поглощен трудом этого рода, и с ранних лет жизни он имел склонность к отвлеченной умственной работе и обнаруживал ее в том, что о всяком интересном предмете составлял мнение по собственному убеждению.

Рикардо-отец привык без рассуждений подчиняться мнениям своих предков по всем вопросам религии и политики и, естественно, желал, чтобы дети его следовали тому же правилу; но эта система пассивного повиновения и слепого подчинения предписаниям авторитета была совершенно противна принципам Давида, который не переставая оказывать уважение и родственное чувство своему отцу, нашел однако возможным разойтись с ним по многим важным вопросам и даже оставить еврейское исповедание.

Недолго спустя после этого события и вскоре по достижении им совершеннолетия, Рикардо вступил в брак с девицей Уилькинсон, в котором наслаждался невозмутимым семейным счастьем. Отделившись от отца, он повел теперь дела на собственный счет и риск. При помощи некоторых старейших членов биржи и собственных способностей, он вскоре достиг необыкновенного успеха в предприятиях и сумел составить себе значительное состояние.

По мере уменьшения склонности к жизненным успехам, Рикардо стал уделять больше времени целям литературным и научным. Будучи уже 25 лет от роду, он принялся за изучение некоторых отраслей математики и сильно подвинулся вперед в химии и минералогии. Он устроил себе лабораторию, собрал коллекцию минералов и стал одним из первых членов геологического общества. Но он никогда не отдавался всецело изучению этих наук. Они не соответствовали складу его ума, и он покинул их вполне, когда обратился к более подробному изучению политической экономии.

Говорят, что Рикардо в первый раз познакомился с «Богатством Народов» Ад. Смита во время посещения города Бата, куда он ездил с женой в видах поправления ее здоровья. Чтение этой книги подействовало на него в высшей степени благотворно, и, быть может, с этого времени исследования, о которых идет в ней речь, привлекли особенное его внимание, хотя лишь гораздо позже он стал посвящать их изучению все свое время.

В качестве автора Рикардо выступил в первый раз в 1809 году. Возвышение рыночной цены слитков и падение вексельного курса, наступившее в течение этого года, возбудило сильное внимание публики. Рикардо обратился к исследованию этого предмета, и занятия, которыми он был поглощен в последнее время в связи с опытностью его в денежных операциях, дали ему возможность не только отнестись критически к причинам явления, но и выставить на вид предполагаемое им практическое его значение и последствия. Он написал это исследование, не имея намерения предавать результаты его гласности. Но после того как он показал свою рукопись мистеру Перри, владельцу и издателю «Morning Chronicle», последний убедил его, не без значительных однако затруднений, согласиться на помещение их в форме писем в упомянутом журнале. Первое из этих писем вышло в свет 6 сентября 1809 года. Оно произвело значительное впечатление на публику и повлекло за собою полемику. Этот успех вместе с возрастающим интересом предмета побудил Рикардо подвергнуть суду публики свои суждения о нем в более распространенной и систематической форме, в трактате, озаглавленном «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов». Этот трактат проложил путь знаменитому спору о слитках. Он вышел из печати на несколько месяцев до учреждения «Комитета о слитках» и, кажется, имел не малое влияние на ускорение этой важной меры. В упомянутом трактате Рикардо старается доказать, что излишество и недостаток в обращении суть только относительные выражения, и что, пока обращение отдельной страны состоит исключительно из золотой и серебряной монеты, или же из бумаги, разменной на такую монету по предъявлению, ценность их ни в каком случае не может подняться или упасть ниже ценности металлического обращения других стран на сумму, большую той, которая требуется на покрытие издержек ввоза иноземной монеты или слитков, когда денег недостаточно, и на издержки вывоза части находящегося в стране металла, когда его слишком много. Но когда страна выпускает неразменные бумажные деньги (как это и было в Англии), то они не могут быть вывозимы за границу в случае излишества их внутри страны, и когда, при таких обстоятельствах, вексельный курс на чужие страны падает, и цена слитков в сравнении с их монетной ценою понимается более, чем на сумму издержек пересылки монеты или слитков за границу, то это ясно показывает, что бумаги выпущено слишком много, и что ценность ее упала от излишества в ней. Начала, преобладавшие в «Комитете о слитках» были в сущности те же, какие установлены и Рикардо в этом памфлете, но более понятный и популярный способ изложения их в отчете, и то обстоятельство, что их рекомендовал Комитет, составленный из наиболее способных людей страны, придали им такие вес и авторитет, каких они были бы лишены в другом случае.

Среди лиц, писавших в оппозицию началам, изложенным в трактате Рикардо и практическим мерам «Отчета» «Комитета о слитках», наиболее выдающееся место принадлежит Бозанкету. Этот член парламентской комиссии обладал в качестве купца большою опытностью, вследствие чего положения и заключения, находившиеся в его «Practical Observations» произвели на публику значительное впечатление. Рикардо не замедлил с силою напасть на своего крупного соперника и в своем известном трактате «Ответ на практические замечания г. Бозанкета по поводу отчета Комитета о слитках» встретился с Бозанкетом на его собственной почве и сразился с ним при помощи его же собственного оружия. Ошибочность некоторых основных идей, проводимых Рикардо в указанных двух сочинениях и вообще в его учении о деньгах, найдет свою оценку в Приложениях II и III к настоящему переводу, в которых мы помещаем результаты исследований по этому предмету Маркса, Тука и других писателей.

Благодаря этим памфлетам, круг знакомства Рикардо значительно расширился; около этого же времени он вступил в интимное знакомство с Мальтусом и Миллем-отцом, которое окончилось только с его смертью. Особенно привязан он был к последнему и охотно признавал, сколь многим он был обязан дружбе с ним.

Последующее появление Рикардо в качестве автора произошло в 1815 году в течение споров о билле, перешедшем впоследствии в закон, — относительно повышения предела цены,

при котором мог ввозиться хлеб в страну для внутреннего потребления, – до 80 шил. Мальтус и Уэст, по любопытному совпадению, в трактатах, опубликованных почти одновременно, выяснили теорию ренты, которая хотя и была открыта ещё в 1777 году Андерсоном, но была, кажется, совершенно позабыта. Однако ни один из этих писателей не понял значения теории этого вопроса в отношении к стеснению ввоза иностранного хлеба. Честь этого исследования предоставлена была Рикардо, который в своем «Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала» показал последствия возрастания цены сырых произведений в отношении к задельной плате и прибыли и построил строгую аргументацию в защиту свободной торговли на тех же началах, при помощи которых Мальтус старался доказать необходимость новых стеснений ввоза.

В 1816 году Рикардо опубликовал свои «Proposals for an Economical and Secure Currency etc». В этом памфлете он рассмотрел условия, определяющие ценность денег как в том случае, когда каждый имеет право выпускать их, так и тогда, когда власть делать это ограничивается или превращается в монополию; он доказывает, что в первом случае ценность денег будет зависеть от издержек их производства, подобно всем прочим товарам свободной доставки, между тем как в последнем она останется в стороне от действия этой причины и будет зависеть от размера, в котором деньги могут быть выпущены в сравнении со спросом.

Наконец, в 1817 году Рикардо издал в свет свое большое сочинение «О началах политической экономии и о налогах». Шаг этот был сделан им не без колебаний. Он не был нечувствителен к литературной и философской репутации; но скромность всегда заставляла его умалить свои силы, и, приобретя известность в качестве писателя о денежном обращении, он не желал рисковать тем немногим, чем обладал уже, через попытку получить больше.

В конце концов, однако, он сдался на убеждения друзей и согласился отослать свое сочинение в типографию. Появление этой книги составляет достопамятную эру в истории политической экономии. Не говоря о многих второстепенных исследованиях, Рикардо установил в этом сочинении источник ценности и ограничивающий ее закон и указал общие начала, от которых зависит распределение богатства среди различных классов общества. Сила ума, обнаруженная в этих исследованиях, ловкость, с которою разрешаются в них самые запутанные вопросы, находчивость в обозначении действия общих начал, в отделении их от второстепенных и случайных, в указании и в оценке их отдельных последствий, – не были превзойдены почти никем и навсегда обеспечат Рикардо почетное место среди тех, кто наиболее способствовал изъяснению социального механизма и раскрытию обстоятельств, от которых должно зависеть благосостояние его членов.

Скажем теперь несколько слов о том, как следует понимать общие приемы Рикардо, и какое непосредственное значение нужно придавать его исследованиям. Обращая главное внимание на общие начала, Рикардо уделял сравнительно мало внимания их практическому применению и подчас действительно просматривал обстоятельства, которые случайно им противодействуют. Так, например, он учил, что, по мере общественного развития сырые произведения и задельная плата имеют постоянным стремлением возвышаться, а прибыль падать – вследствие того, что общество поставлено в необходимость постоянно переходить к почве низшего качества для получения добавочной пищи. Абстрактная истина действительно такова. Но, не говоря уже о том, что вопрос об отношении прибыли к задельной плате несравненно сложнее, чем думал Рикардо, можно заметить, что, между тем, как с одной стороны общество постоянно принуждено переходить к худшей почве, с другой, земледелие способно к неопределенным улучшениям, и эти улучшения необходимо уравнивают упадок плодородия земли и могут достигнуть и даже действительно часто достигают преобладания над ним. Следует, однако, помнить, что сочинение Рикардо не носит практического характера, – оно даже и не систематический (в обыкновенном смысле слова) трактат, а исследование, относящееся, главным образом, к некоторым основным началам, значительная часть которых не была еще ясно уста-

новлена. И хотя бы часто было чрезвычайно трудно или, быть может, даже невозможно оценить размеры, в которых эти начала могут быть ограничиваемы в известных случаях другими началами, но очевидно, что все-таки весьма важно удостовериться в их существовании. Говоря короче, положения и утверждения Рикардо с абстрактной точки зрения большею частью верны и точны; недостаток их только заключается в том, что они не всегда полны, не условлены всею массою обстоятельств, в сопровождении которых являются обозначаемые ими законы в действительности. Одни из подобных обстоятельств оказывают на эти законы временное и случайное пертурбационное влияние, другие равны им по силе или даже превосходят их, вследствие чего естественно парализуют их действие, а подчас и устраивают его вполне. Чрезмерностью обобщения некоторых узких начал в особенности сильно отличается все то в исследованиях Рикардо, что относится к росту, движению, развитию различных элементов общественного хозяйства, как-то: к закону народонаселения, к возрастанию одних и к упадку других отраслей дохода, следовательно, к наиболее сложным экономическим вопросам. Нечего и говорить, что все эти исследования нуждаются в значительной переработке, какой они отчасти и подверглись в сильных руках К. Маркса (см. «Капитал», закон относительного перенаселения).

Та часть труда Рикардо, в которой он применяет свои начала к вопросу о влиянии налогов на ренту, прибыль, задельную плату и сырые произведения, носит более практический характер, чем другие, и должна всегда быть предметом заботливого изучения со стороны того, кто желает хорошо познакомиться с этим отделом экономической науки. Особенно важное значение имеет этот совет для русской публики, которая, занимаясь в недавнем прошлом обсуждением вопроса о наилучшем налоге взамен существующего поголовного, по странному недосмотру, сколько нам известно, ни разу не обращалась за поучением к этому наиболее точному, наиболее глубокомысленному и наиболее важному из всех существующих трактатов о финансах.

Сделавшись впоследствии значительным землевладельцем, Рикардо вступил в 1819 году в парламент в качестве представителя от Портлингтона. Но недоверие его к своим силам могло почти лишить палату его услуг. В письме к одному из своих друзей, от 7 апреля 1819 года, он говорит:

«Вы увидите, что я принял место в Нижней Палате. Боюсь, что буду здесь мало полезен. Я два раза пытался говорить, но делал это с большим затруднением и не надеюсь победить тревогу, которую испытываю в тот момент, когда слышу звуки собственного голоса. Обязательный прием Палаты сделал для меня задачу беседы в известной степени более легкою; но для моего успеха существует столько сильных препятствий (и некоторые из них, кажется, почти неодолимы), что я опасаюсь, чтобы не было с моей стороны делом разума и скромности довольствоваться подачею одних тайных вотов».

Но к удовольствию Палаты он не принял такого решения. Затруднения, с которыми он боролся в начале, и его недоверие к себе самому мало-помалу стали проходить; между тем, как мягкость приемов, мастерство, с которым он владел предметом речи, и чистота его намерений быстро обеспечили ему широкое влияние как в Палате, так и в стране, и дали громадный вес его мнениям.

Рикардо не был одним из тех ораторов, которые произносят речи по поводу случайных обстоятельств и политики дня: он говорил только о принципах и с твердым решением ни в каком случае не отступать от пути, на котором он находился. Он никогда не скрытничал и не ограничивал своего мнения в видах снискания расположения или обезоружения предрассудков врага или толпы врагов, точно также он никогда не произносил речи и не подавал вота, когда не имел прочного убеждения в том, что они были основаны на верных началах и рассчитаны на общественный интерес. Привыкнув к глубокому мышлению, независимый и неуклон-

ный в своих принципах, Рикардо имел мало общего с политиками партии. Общественное благо, как он понимал его, было единственной целью его усилий в парламенте, и он работал над его осуществлением, нисколько не увлекаясь комбинациями партий.

Перемена в общественном мнении страны относительно финансовой и коммерческой ее политики с того времени, когда Рикардо получил место в парламенте, была столь же полна, как и богата последствиями. Не только все руководящие члены палаты были готовы согласиться, что английская исключительная система основывается на порочных началах, и что допустить свободное соперничество во всех отраслях английской промышленности есть дело глубокой политики, но они были готовы сделать эти учения частью законов страны и дать им станцию парламентского авторитета. С. Роберт Пиль, оказавший этому делу большую услугу установлением в полном размере начала свободной торговли, развитого Смитом и его последователями, охотно согласился бы, по словам Мак-Куллоха, что речи и сочинения Рикардо не мало способствовали этому.

В 1820 г. Рикардо поместил в дополнении к «Encyclopaedia Britannica» статью о фондовой системе, хотя и не вполне ясную по изложению, но содержащую некоторые довольно важные исследования.

В 1822 г., в течение парламентских споров о хлебных законах, он публиковал свой трактат «О покровительстве земледелию». Здесь он обсуждает целый ряд вопросов, относящихся по влиянию высокой ценности хлеба на земельную плату и прибыль, к действию налогов на земледелие и мануфактуры и т. д.

«Если бы,

— говорит Мак-Куллох, —

Рикардо никогда не писал ничего больше, то одного этого памфлета, благодаря ясности и точности, с которыми трактуется в нем о множестве важнейших предметов, было бы достаточно для доставления автору места в первом ряду экономистов».

Хотя и не особенно крепкое, телосложение Рикардо было с виду здорово и обещало ему долгую жизнь. Он страдал как-то ушною болезнью, которой, однако, не придавал большого значения. Удаляясь в свое имение в Gloucestershire'e (Gatcomb Park) по окончании сессий 1823 года, он был в полном здоровье и в прекрасном расположении духа, кроме окончания трактата, содержащего клан учреждения Национального Банка, он работал со своей обыкновенной ревностью над некоторыми из самых темных экономических учений. Но он не мог привести их к окончанию. В сентябре у него внезапно явилась чрезвычайно сильная боль в страдавшем прежде ухе; но симптомы все-таки не казались еще неблагоприятными, и прокол нарыва, образовавшегося в ухе, значительно способствовал улучшению положения больного. Однако облегчение было лишь кратковременно: через два дня снова возникло воспаление, сопровождавшееся на этот раз давлением на мозг, и потерей сознания, которые окончились только со смертью больного, 11 сентября, на 52 году его жизни.

В частной жизни Рикардо отличался простодушием, искренностью, безыскусственностью и отсутствием претензий. Он чрезвычайно любил собирать вокруг себя людей интеллигенции для самой непринужденной беседы о равных интересных предметах и всего более о тех, которые находились в связи с его любимой наукой. Во всех подобных случаях он всегда предоставлял полную свободу высказываться каждому и никогда не обнаруживал ни малейшего нетерпения говорить самому. Но когда он говорил, солидность его суждения, его скромность и необыкновенный талант разложения вопроса на составные элементы и постановки наиболее сложных и затруднительных вопросов на точку зрения, наиболее выдающуюся, — привлекали внимание каждого и увлекали всех, кто его слушал. Он никогда не аргументировал, как по общественным, так и по частным вопросам, единственно в тех видах, чтобы одержать победу

или оборвать противника. Искключительною его целью было изыскание истины. Он всегда был открыт для убеждения, и если бы он пришел к сознанию, что выразил или поддержал ложное мнение, то первый признал бы свое заблуждение и предостерег бы от него других.

Немногие обладали в большой степени, нежели Рикардо, талантом столь ясного и столь легкого изложения самых запутанных предметов. В этом отношении произносимые им речи были гораздо выше его сочинений. Этих последних нельзя читать и понимать без значительной доли внимания; но ничто не могло превзойти той свободы и легкости, с которою он освещал и объяснял наиболее грудные вопросы политической экономии как в частном разговоре, так и в речах. Для тех, кто не был хорошо знаком с его приемами мышления, некоторые из его положений могли бы показаться парадоксальными; но это были парадоксы только с виду. Он редко выражал мнение, над которым не размышлял бы глубоко, и которого не рассматривал бы с различных точек зрения.

«Что в парламенте,

— прибавляет Мак-Куллох, —

были ораторы более значительные, и люди с более разнообразными и общими познаниями, чем Рикардо, мы это допускаем охотно; но смеем думать, что по глубине, ясности и понятливости ума он не имел никого выше себя и очень мало равных себе как в парламенте, так и в стране вообще».

Оказывая помощь множеству благотворительных учреждений в метрополии, Рикардо содержал сверх того на свой счет две школы для образования молодежи в соседстве своего имения.

Кроме упомянутых выше сочинений, Рикардо оставил после себя несколько рукописей. Его «Plan for the Establishment of a National Bank» был найден в оконченном виде и опубликован вскоре после его смерти.

Он оставил также «Notes», содержавшие защиту его собственных учений от возражений Мальтуса и выставившие на вид заблуждения, в которые впал Мальтус; но, сомневаясь, чтобы опубликование их имело большой интерес, издатель не предал их печати.

Не принадлежа к партии вигов, Рикардо почти всегда, однако, вотирует с оппозицией. Он был того мнения, что много выгод проистекло бы из того, если бы народу дано было большее влияние на выбор представителей, чем то, каким он обладал в действительности, и он был на столько друг системы радикалов, что оказал самую ревностную поддержку плану подачи голосов по баллотировке, которую он считал лучшим средством для обеспечения массы избирателей от дурных внушений и для предоставления ей возможности вотировать в пользу кандидатов, которых она одобряла действительно. Но он не соглашался, однако, с радикалами по вопросу о всеобщей подаче голосов, которую считал опасной и не обещающею практических выгод; он думал, что избирательное право могло быть дано всем, кто обладает известною собственностью. Мнения его об этом предмете были вполне изложены в его «Essay on Parliamentary Reform» и в его «Speech on the Ballot», помещенных в настоящем издании.

Понимание сочинений Рикардо дается не вполне легко. Краткость, с которою он устанавливает некоторые из наиболее важных своих положений, внутренняя зависимость их друг от друга, недостаточность иллюстрации и математическая форма, которую он придает своей аргументации, затрудняют в известной степени читателя, не привыкшего к подобным исследованиям. Но кто пожелает уделить его книге столько внимания, сколько она по справедливости заслуживает, тот найдет его положения столь же логичными и убедительными, как и глубокими и важными.

«Квинтилиан,

— говорит М. Куллох, —

держался мнения, что те из изучающих красноречие, которые сильно восхищались Цицероном, делали в своем искусстве весьма значительные успехи; это же самое с полным правом может быть сказано о тех из числа занимающихся политической экономией, которые находят удовольствие в чтении сочинений Рикардо: *Ille se profecisse sciat cui Ricardo valde placebit*».

Рикардо оставил вдову, трех сыновей и четырех дочерей.

В заключение скажем несколько слов о цели, насколько она не объясняется предыдущим, и выполнении русского перевода Рикардо. Наша экономическая литература, возникшая лишь очень недавно, обогатилась в последние пятнадцать, двадцать лет, не считая переводов многих второстепенных французских авторов, – Курсель Сенелля, Гарнье и т. п., переводами важнейших экономистов классиков, каковы Ад. Смит, Мальтус и, отчасти, Джон Стюарт Милль. Но по какому-то странному стечению обстоятельств не переведенным остался писатель, который в своем роде представляет никак не менее, и, пожалуй, более поучительное явление, чем прочие представители английской школы. Не желая несколько умолять заслуг этих последних авторов, мы все-таки должны заметить, что как со стороны научных приемов, так и со стороны содержания, вклады, внесенные в науку Рикардо, несколько не уступают по своим размерам и доброкачественности тому, что сделано в этой области Ад. Смитом, Мальтусом и другими. Мало этого, новейшие исследования ясно показывают, что упомянутые писатели отличались гораздо более полнотой и внешней систематичностью своих мнений, нежели новизной их. Все они имели многочисленных предшественников, у которых по частям можно найти и действительно была ими найдена большая часть того, что потом вошло в их системы. Этим обстоятельством одновременно обуславливаются как достоинства, так и недостатки их трудов. Что касается первых, то они заключаются в подведении итогов известным однородным циклам исследований, в отведении им более видного места, в однообразном освещении их. Но отсюда же вытекает и главнейший недостаток подобных систематических работ – эклектизм. У каждого из экономистов упомянутой школы можно указать попытки примирить начала, идущие из разных источников и, чем далее, тем более расходящиеся. Так напр. Ад. Смит одновременно придерживается двух радикально противоположных учений о ценности – ячейке всей новейшей политической экономии, Мальтус очень часто придает своим теориям более практический оттенок и цели, чем это допускается требованиями здравой научной критики, наконец, Дж. Ст. Милль во взгляде на происхождение капитала одновременно разделяет мнения Сениора и Рикардо, различные между собою, как вода и огонь. Вполне понимая, что указанные явления, по крайней мере, что касается первых двух писателей, имели своей причиною ту степень общего развития экономических понятий, на которой находилось в данный период общество, мы должны, однако, заметить, что приведенные нами примеры взяты нами совершенно случайно и далеко не единичны.

Совсем другое дело – Рикардо. Насколько речь идет о собственно методологической стороне его исследований, то она именно характеризуется ведением *guerre a outrance* со всякого рода непоследовательностью. Выбрав из ряда многих один какой-нибудь принцип, один лакон, Рикардо, старается сначала отдать себе ясный отчет, почему он остановился именно на нем и потом уже на всем протяжении своей книги ни разу не забывает об этом. Благодаря такому приему, исследования Рикардо получают характер почти математической строгости и точности и превосходно приучают ум к последовательному мышлению. В виду удобоподвижности и случайности мнений, господствующих по всем вопросам этого рода у нас в России, мы надеемся, что перевод сочинений Рикардо на русский язык будет дар своевременный, полезный и обещающий хорошие результаты в будущем. Насколько будет он читаться – это конечно вопрос, на который даже приблизительно, но сумеют ответить не только переводчики, но, полагаем, и самые опытные из русских издателей. Вкусы нашей публики удивительно подвижны и изменчивы: сплошь да рядом читаются у нас книги, самый вопрос о пользе издания которых на

русском языке является более нежели спорным, и наоборот, множество хороших и полезных книг зачастую обременяет собою по целым годам шкафы наших столичных и провинциальных книжных магазинов. Но перевод Рикардо все-таки сделан нами на тот конец, что если он даже найдет себе самый небольшой круг читателей, незнакомых с оригиналом, то и этим будет принесена делу распространения у нас знакомства с научными приемами знаменитого экономиста – неизмеримая польза.

Что касается самого содержания сочинений Рикардо, то русская публика могла отчасти познакомиться с ними из прекрасных статей г. Жуковского в «Современнике», и в его «Истории политической литературы», отчасти же из тех многочисленных французских учебников, в которых с одинаковою легкостью трактуется все на свете, и которые почему-то понадобилось переводить на русский язык. Кто не слыхал у нас, хотя бы из десятых рук, о теории ренты Рикардо, которая, впрочем, как раз представляет одну из наименее самостоятельных частей его доктрины? Кто из новейших образованных русских не знает также, что Рикардо был последователем «злого» Мальтуса, а потому и сам является, прежде всего, злым человеком, самое имя которого следует упоминать с осторожностью? Несмотря, однако, на все это, мы убедились на основании многочисленных опытов, что важнейшие части учения Рикардо в их взаимной последовательности и связи или совершенно неизвестны русской читающей публике, или известны лишь весьма недостаточно. Нам, конечно, могут на это возразить, что теория ценности, ренты и распределения доходов – Рикардо усвоена почти дословно Джоном Стюартом Миллем, начала политической экономии которого пользуются у нас самою широкою популярностью. Нисколько не желая относиться легкомысленно к заслугам Милля и считая даже за особенное счастье то обстоятельство, что именно Милль, а не другой какой-либо из экономистов, нашел столь теплый прием у русских читателей, мы все-таки должны заметить, что Милль до того подчас запутывает дело своими объяснениями, что оно не только ничего от них не выигрывает, но даже теряет. Для примера мы укажем на тот в высшей степени темный отдел книги Милля, в котором доказывается, что запрос на продукт не есть запрос на труд, и на другой, в котором Милль старается показать, что изменения заработной платы в одних случаях оказывают влияние на размер ценности продукта, в других же оставляют его без изменения. Спрашиваем любого из читателей сочинения Милля, составил ли он себе ясное и отчетливое понятие о содержании этих двух отделов? Заранее и уверенно отвечаем на этот вопрос отрицательно. Выяснению этих-то и подобных им основных теоретических понятий исследования Рикардо способствуют гораздо более, чем труды Милля и всех других экономистов английской школы, и представляют в сравнении с ними то великое преимущество, каким обладает всякий источник первой руки над всевозможными комментариями.

Значение Рикардо, как самостоятельного исследователя, в отличие от предшественников его, заключается главным образом в следующем. Не говоря о твердом, ясном и последовательном проведении начала, открытого задолго до него, а именно, начала, по которому ценность большей части продуктов основывается на издержках производства или на количествах труда¹, – Рикардо первый из числа экономистов выяснил основной в политической экономии закон взаимного отношения двух составных частей цены-прибыли и задельной платы и показал, что размеры их обратно пропорциональны между собою. Этим в первый раз объективно и научно, хотя еще и бессознательно, указывалась истина, что интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободе, отнюдь не тождественны, а противоположны. Из этого основного положения Рикардо вывел ряд важнейших последствий в отношении к образованию ренты, к распределению всех трех отраслей дохода в пространстве и во времени, к внешней и внутренней торговле, к системе налогов и премий и т. д. Анализ этих вопросов, как и большей части других предметов, исследованию которых он посвятил свои силы, строг, верен и поучи-

¹ См. ПРИЛОЖЕНИЕ в конце книги.

телен в самой высокой степени. Читая в первый раз сочинения Рикардо, не знаешь чему удивляться более: новизне-ли многих положений, или же полному отсутствию того эклектизма, как в методологическом, так и в догматическом отношении, на который мы указывали в сочинениях других классических авторов.

По всей совокупности своих исследований Рикардо стоит на рубеже между экономией Петти, Стеарта, Ад. Смита и многих других менее заметных, но не менее важных английских писателей с одной стороны и новой или гармонической теорией, главными представителями которой являются Бастиа и в новейшее время Маклеод с другой. Рядом с этой последней и в опровержение ее, частью независимо от Рикардо, частью из корней его учения, выросло мало-помалу другое экономическое направление, сильное не столько многочисленностью, сколько здоровым объективизмом своих представителей, сочинения которых представляют дальнейшее развитие учения смитовой школы, поставленного на более широкую, общечеловеческую основу. С этим научным направлением не следует смешивать тех писателей, (Мак-Куллох, Милль-отец и в значительной степени Милль-сын), роль которых заключалась в передаче главнейших положений Рикардо почти в том же виде, в каком он сам изложил их, с присоединением лишь некоторых незначительных дополнений, разъяснений и отступлений.

Нельзя скрыть того обстоятельства, что доктрина Ад. Смита заключала в себе зародыши двух совершенно различных порядков мышления и поэтому логически вела дальнейших последователей его к распадению на два лагеря или школы. По всем основным вопросам – ценности, распределения доходов, денежному, Ад. Смит выражался так неопределенно, что естественно породил этим все позднейшие разногласия. Причины этого явления заключаются, главным образом, не столько в особенностях его ума и склада мысли, сколько в том общем законе, по которому важнейшие жизненные вопросы переходят в сознание не иначе, как постепенно, причем всегда в начале, наряду с наиболее выпуклыми и значительными сторонами дела, исследователь наталкивается и на массу запутанных и неясных второстепенностей. При дальнейшем развитии идей, направления в разработке их становятся уже под знамена партий, которые часто сами того не сознавая, служат в своих теориях не более, как представителями материальных интересов тех общественных групп, к которым принадлежат по рождению, по воспитанию и по источникам существования. Но мало-помалу объективная мысль, составляющая естественный результат выяснения дела путем контрверзов партий, пробившись где-нибудь на свет, медленно, но верно начинает подчинять себе умы партий всех оттенков, пока не подроет в корне отдельных заблуждений, не заключит собою совершившегося между тем преобразования реальных отношений и тем не вырвет почвы из под ног у всякого рода партий. Приведение в сознание социальных истин (как и многих других) совершает, таким образом, известного рода цикл. Оно начинается с уяснения самых общих и широких понятий, уяснения еще робкого, шаткого, двусмысленного и часто неопределенного. Следующая фаза есть фаза дробления идей, расхождения их по различным и часто противоположным направлениям, *raison d'être* которой заключается именно в том, что общие положения, составляющие продукт деятельности мысли в первой фазе, не полны, не ясны, сбивчивы. Каждая из партий, избравшая определенное направление, считает свои только решения единственно верными и непогрешимыми и считает их такими тем более чем глубже корни тех общественных интересов, с которыми неразрывно слиты все помыслы и чувствования той или другой партии. Цикл завершается действительным – объективным и позитивным объяснением явлений, более прежнего полным, сложным, законченным, а потому и более убедительным. Одновременно с ходом идей в указанном порядке совершается и преобразование, реальных отношений, так что, оглянувшись в один прекрасный день вокруг, общество не узнает места, на котором находится, и условия, в которые поставлено. Это именно значит, что процесс изменения отношений определился уже окончательно, и что только одним отсталым приходится пригонять свои мнения к новым фактам. Тут, в борьбе между собою представителей отдельных общественных групп

повторяется в больших размерах то же, что и в борьбе между двумя индивидуумами: чем ярче и определеннее высказываются мнения, чем более интенсивируется страсть, тем больше ручательства, что раньше или позже противники придут к общему решению, что каждый из них вынесет на себе следы битвы. В истории политической экономии указанная схема также находит применение. Укажем здесь в кратких словах на важнейшие факты. Первые экономисты были гораздо более теоретиками меркантилизма, нежели представителями интересов партии. Явления денежно торговые были в ту пору самыми важными, резкими и наиболее выдающимися явлениями. Какой-нибудь Лоу наивно верил, что его *files* и *petites filles* окажут блестящие услуги не одному лишь общественному классу, а всему обществу, как он понимал его. Теория оказалась неполной, обнаружилось другие сильные и жгучие интересы – явились физиократы. Заметим здесь мимоходом, что в учении последних ни под каким видом не следует смешивать двух совершенно различных вещей – доктрины феодально-землевладельческой, корни которой зарыты в средних веках, и общефилософской теорий, источником которой служит весь ход научно-философских идей 18-го столетия. Насколько в первом отношении физиократы служили выразителями взглядов отдельной общественной группы, уже отживающей к тому же свой век, насколько во втором они стояли выше националистических видов меркантилизма. Между тем, новый общественный строй все рос да рос, формы нового хозяйства распространились по всем отраслям промышленности, – и вот понадобились вновь такие системы, которые, всосав и ассимилировав все идущее в дело из прежних учений, обняли и объяснили бы весь круг заметных теперь отношений, а не одну лишь его часть. Ад. Смит, Тюрго и другие экономисты взяли на себя задачу построить ряд таких обобщений, которые признавались бы всеми и каждым за объективное выражение существующего экономического порядка в его целом. Эти писатели уже не меркантилисты, они, напротив, ведут ожесточенную борьбу с последними, – они индустриалисты. Но как фонд исследования у тех и у других один и тот же – новое хозяйственное общество на различных ступенях своего роста, – то и противоположность между ними более формальная, чем существенная, более количественная, чем качественная. Как, возразят нам, меркантилистов, этих представителей произвола и всяческих стеснений, вы одобряете провозвестникам экономической свободы? Да, мы находим большое сходство между теми и другими в том отношении, что оба эти разряда писателей являются выразителями господствующей тенденции века, и если бы можно было заставить их поменяться местами, то они, наверное, поменялись бы и воззрениями. Одни говорили, что стремились к обеспечению интересов территориальных групп населения – народов и государств, другие заботились, по-видимому, об интересах целого общества. Но каким же иным путем, как не путем всевозможных стеснений, запрещений и эксплуатации колоний создались и воспитались на континенте и особенно в Великобритании те интересы одного класса, которые впоследствии, став на ноги и окрепнув, нашли экономическую свободу лучшим средством для своего дальнейшего преуспевания? Самое то обстоятельство, что первые фритредеры явились среди англичан, опередивших все прочие народы на пути развития индустриализма или капиталистической продукции, наглядно показывает, как велика бывает примесь местного и индивидуального элемента к самым, по-видимому, общечеловеческим теориям. Но, представлявшаяся объективной и полной для своего времени, теория богатства, труда, мены и распределения доходов Ад. Смита и его современников также оказалась вскоре неполной и недостаточной. Явления нового порядка определились гораздо резче, последовательнее и ярче, – на сцену выступает Рикардо. Он берет на себя труд очистить систему Смита от ненужных и чуждых ей элементов, привести во взаимную зависимость отдельные ее части и поставить на видное место такие решения системы, от которых остается один шаг к нарождающейся новой науке. Смелость, с которой он взялся за выполнение этой задачи, готовность принять на себя всю ответственность за свои заключения, талант и сила ума, с которыми он выступил на авторское поприще – все эти обстоятельства побуждают признать в нем последнего из могикан системы индуст-

стриализма. Рикардо еще нисколько не сомневался, что служит выразителем интересов целого общества, а не известной только общественной группы. И до некоторой степени это было так действительно. Какою искренностью дышит каждое слово в его исследованиях, не говоря уже об отдельных главах, как напр., «о машинах». С какою непринужденностью он высказывает такие сильные и фатальные для своей науки положения, как напр. об отношениях между прибылью и заделной платой, о труде, как о единственном мериле ценности и т. д., и т. д.². Он, несомненно, завершает своими работами здание индивидуальной системы, ставит последнюю к ней точку и тем самым очищает поле для борьбы между новыми направлениями. Общие причины этой последней лежали в следующем. С одной стороны хозяйственный порядок частью обнаружил, частью принес с собою так называемый рабочий вопрос или вопрос о наемном труде. С другой, рост этого порядка еще не закончился, а напротив, продолжался и с каждым днем становился все значительнее и значительнее. Вследствие этого, во-первых, появляется целая фаланга французских и английских социалистов тридцатых и сороковых годов, которые, при помощи частью теоретических исследований самой индустриальной системы, частью утопий, обнаруживают скрытые язвы существующего экономического порядка. Во-вторых, начинается хор так называемых гармонистов, которые, найдя необходимым по-своему объяснить и оправдать этот порядок, пользуются некоторыми неясными местами в сочинениях классических писателей и сооружают на такой основе новые системы ренты, прибыли, заделной платы и капитала, объясняющие «все к лучшему в сем наилучшем из миров». Тут, между прочим, обнаруживается одно из интересных проявлений борьбы за существование. В то время как школа гармонистов, сослужив свою службу тем, что в антракте между чистым индустриализмом и нарождающейся общественной наукой разыграла несколько неважных, но отчасти занимательных пьес, в то время как школа эта вымирает почти без потомства, – лагерь социалистов, напротив того, разросся и, в свою очередь, распался на множество оттенков, из которых каждый, под знаменем особой партии, представляет какое-нибудь одно начало, один принцип, упущенные из виду другими партиями. Не говоря о второстепенных подразделениях, упомянем здесь о двух наиболее важных социалистических направлениях, которые, перенеся вопрос с частной на общечеловеческую почву, в точности воспроизводит борьбу между протекционистами и фритредерами, «порядком» и «свободой», централизацией и децентрализацией, авторитетом и федерализмом, или, употребляя термины более широкие, – между «единообразием» и «разнообразием» общественного устройства, и развив оба эти начала до крайних последствий, та и другая партия, вероятно, в конце концов, поймут, что ни одно из них не заключает в себе полной истины, по той простой причине, что каждое относится к особым и самостоятельным кругам явлений.

Громадное множество явлений из мира практического и литературного, одно перечисление которых могло бы дать материал для целой книги, заставляет предполагать, что в настоящее время мы стоим у такого пункта, на котором снова начнется подведение итогов, сведение концов с концами у различных направлений и, наконец, сооружение объективной социальной науки, доводы которой станут обязательны к приему со стороны всех и каждого, подобно положениям астрономии или физики. Неизмеримый статистический материал, успехи исторических, юридических и естественных наук работы того научного направления, о котором мы упоминали выше, хотя и не вполне еще покинувшие раздраженный тон партии, но наряду с ним проявившие широкий и здоровый объективизм, всеобщее преобразование взглядов на рабочее движение – вот некоторые из важнейших явлений, служащих провозвестниками приближения той новой эпохи. В ряду работников, по камню сносивших материал для этой постройки, не

² «Хотя и опутанный буржуазным горизонтом, Рикардо с такою остротою разлагает гражданскую экономию, которая на глубине выглядит совершенно иначе, чем кажется на поверхности, что лорд Брум мог сказать о нем: «M-r Ricardo seemed as if he had dropped from an other planet» (казалось, будто г. Рикардо упал с другой планеты)». К. Marx, Zur Kritik der Polit. Oeconomie, 39.

последнее место будет отведено и автору «Начал политической экономии», которые предлагаются теперь на суд русской публики.

Два слова о выполнении перевода. Он сделан с последнего английского издания сочинений Рикардо (*The Works of David Ricardo by I. R. M-e Culloch, London, John Murray, 1871*) и, за исключением некоторых случайных ошибок, может, кажется, быть признан переводом удовлетворительным. Во всяком случае, как мы убеждались в том неоднократно, он гораздо точнее и вернее передает мысли автора, чем французский перевод Fonteyraud, вошедший в *Collection des principaux economists Guillumina*.

Ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продукт почвы, все, что берется с поверхности ее соединенным применением к делу труда, машин и капитала, разделяется между тремя классами общества, а, именно, землевладельцем, владельцем денег или капитала, необходимого на обработку ее, и рабочими, трудом которых она возделывается.

Но пропорции, в которых целый продукт почвы должен быть разделен между каждым из этих классов под именем ренты, прибыли и задельной платы, значительно различаются между собою на различных ступенях общественного развития, что зависит, главным образом, от данного плодородия почвы, от накопления капитала и населения, и от ловкости, способностей и орудий, употребляемых в земледелии.

Определить законы, регулирующие это распределение, составляет главную задачу политической экономии. Как ни обогатили науку труды Тюрго, Стеарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других писателей, но они дают весьма мало удовлетворительных объяснений относительно естественного хода ренты, прибыли и задельной платы.

В 1815 году Мальтус в своем «Inquiry into the Nature and Progress of a Rent» и Fellow of University College, Oxford (Уэст), в своем, «Essay on the Application of Capital to Land» представили миру почти в одно и то же время истинное учение о ренте, без знакомства с которым нельзя понять действия накопления богатства на прибыль и задельную плату, или удовлетворительно обозначить влияние налогов на различные классы общества, особенно когда обложенные ими продукты составляют предмет, непосредственно добываемый с поверхности земли. Ад. Смит и другие талантливые писатели, о которых я упоминал, не видя начала ренты в ясном свете, просмотрели, кажется, многие важные истины, которые могут быть раскрыты лишь после того, когда понята как следует сущность ренты.

Для пополнения этого пробела нужны способности, далеко превышающие те, которыми располагает автор следующих страниц; но после того как он посвятил этому предмету все свое внимание, после того как он воспользовался помощью упомянутых превосходных писателей, и после того как несколько последних лет, обильных фактами, дали ценный опыт настоящему поколению, нельзя, кажется, считать притязательною попытку автора установить свои мнения о законах прибыли и задельной платы и о действии налогов. Если начала, которые он признает правильными, действительно будут найдены таковыми, то на долю других лиц, более его талантливых, выпадет задача обозначить все важнейшие их последствия.

Оспаривая установившиеся мнения, автор считал необходимым особенно обращаться к тем цитатам из Ад. Смита, с которыми он имел причины не соглашаться. Но он надеется, что никто не заподозрит его вследствие этого в том, что он не разделяет удивления, столь справедливо возбуждаемого глубокомысленным сочинением знаменитого писателя, – вместе со всеми теми, кто признает важное значение науки политической экономии.

Тоже замечание может быть применено к превосходным трудам Сэя, который не только был первым или одним из первых писателей континента, справедливо оценившим и применившим начала Ад. Смита, который сделал более чем все другие континентальные писатели вместе, в деле рекомендации начал этой прекрасной и благотворительной системы народам Европы, но который, сверх того, успел сообщить науке более логический и более поучительный порядок и обогатил ее различными исследованиями – оригинальными, точными и глубокими³. Но уважение, питаемое автором к трудам Сэя, не помешало ему комментировать с тою свободою,

³ Chap. XV, Part I, «Des Debouches» в особенности содержит многие весьма важные начала, которые, кажется, в первый раз были объяснены этим превосходным автором.

которой требуют, по его мнению, интересы науки, те цитаты из *Economie Politique* которые казались ему несогласными с его собственными идеями⁴.

⁴ В виду того, что Рикардо почти нигде в своих сочинениях не соглашается с мнениями Сэя, а напротив, относится к ним большею частью иронически, настоящий дифирамб автора французскому экономисту следует приписать гораздо более соображениям вежливости, чем действительной высокой оценке.

ПРЕДИСЛОВИЕ ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ

В этом издании я старался разъяснить с большею полнотой, чем в предыдущем, мнение свое о трудных частях учения о ценности и с этою целью сделал некоторые дополнения к первой главе. Я присоединил к нему также новую главу «о машинах и о влиянии улучшения их на интересы различных классов общества» и рассмотрел учение Сэя об этом важном вопросе, дополненное в 3-м и последнем издании его сочинений. Я старался в последней главе поставить на более строгую, чем прежде, точку зрения учения о способности страны вносить добавочные денежные налоги, хотя бы совокупная денежная ценность всей массы товаров и упала вследствие или уменьшения количества труда, требуемого на производство хлеба; внутри страны, от хозяйственных улучшений в ней, или же от получения части хлеба по более дешевой цене из-за границы, путем вывоза мануфактурных ее товаров. Это наблюдение имеет большую важность, потому что касается вопроса о политике свободного ввоз; чужого хлеба, особенно в стране, отягощенной большим постоянным и денежным налогом, вследствие громадного национального долга, и старался показать, что способность к уплате налогов зависит не от валовой денежной ценности целой массы товаров, или от чистой денежной ценности доходов капиталистов и землевладельцев, не от денежной ценности доходов каждого в сравнении с денежной ценностью товаров, которые он обыкновенно потребляет.

Автор.

26 марта 1821 года.

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ГЛАВА I О ценности

Отделение первое

Ценность предмета, или количество всякого другого предмета, за которое он обменивается, зависит от сравнительного количества труда, необходимого на его производство, а не от большого или меньшего вознаграждения, получаемого за этот труд.

Адам Смит заметил, что

«слово ценность употребляется в двух различных значениях и выражает иногда полезность какого-нибудь предмета, иногда же покупную силу относительно других предметов, которую доставляет обладание им. Первая может быть названа ценностью потребления, вторая меновой ценностью».

«Вещи,

— продолжает он, —

имеющие наибольшую ценность потребления, часто обладают лишь незначительной меновой ценностью, или вовсе не обладают ею, и, наоборот, те вещи, меновая ценность которых наиболее велика, имеют лишь весьма мало потребительной ценности или не имеют ее вовсе».

Вода и воздух чрезвычайно полезны, они даже необходимы для существования, и, не смотря на то, при обыкновенных обстоятельствах за них ничего нельзя получить в обмен. Напротив того, золото, имея незначительную ценность потребления, в сравнении с воздухом и водою, обменивается за большое количество других предметов.

Итак, полезность не есть мерило меновой ценности, хотя последняя без нее не мыслима. Если предмет вовсе не имеет потребительной ценности, иными словами, если мы не можем извлечь из него для себя ни удовольствия, ни пользы, в таком случае у него не будет и меновой ценности, несмотря на его редкость и на количество труда, необходимого на его производство.

Предметы, обладающие полезностью, заимствуют свою меновую ценность из двух источников: редкости и количества труда, необходимого на их добывание.

Существуют некоторые предметы, ценность которых определяется исключительно их редкостью. Никакой труд не в состоянии увеличить количество таких предметов, и поэтому ценность их не может быть понижена вследствие увеличения снабжения. Некоторые редкие картины и статуи, редкие книги и монеты, вина особенного качества, добываемые из винограда, растущего на специфической почве, пространство которой весьма ограничено, принадлежат к этой категории. Ценность их нисколько не зависит от труда, необходимого на их первоначальное производство, и колеблется, смотря по изменению богатства и наклонностей лиц, желающих обладать ими.

Но эти предметы составляют лишь весьма незначительную часть той массы вещей, которая ежедневно променивается на рынке. Несравненно большая часть тех предметов, которыми желают обладать люди, доставляется трудом, и может быть увеличиваема не только в одной стране, но и во многих до такого предела, который почти безграничен, если мы расположены расходовать труд, необходимый на добывание их.

Говоря далее о товарах, их меновой ценности и законах, управляющих относительными их ценами, мы имеем в виду исключительно товары такого рода, количество которых может возрастать вследствие приложения человеческого труда и производство которых находится под влиянием свободного соперничества.

На первых ступенях общественной жизни меновая ценность таких предметов или правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно давать в обмен за другой, зависит почти исключительно от сравнительного количества труда, употребленного на производство каждого из них.

«Действительная цена каждой вещи,

— говорит Ад. Смит, —

то, что каждая вещь действительно стоит человеку, желающему приобрести ее, это труд и усилия приобретения ее. То, что каждая вещь действительно стоит человеку, который приобрел ее и который желает располагать ею, или обменять ее на что-нибудь другое, есть труд и усилия, которые могут быть сбережены для него и которые он может возложить на другие лица. Труд был первою ценою, первоначальною монетою, которою за все платили».

И далее:

«в этом раннем и первоначальном состоянии общества, которое предшествует как накоплению капитала, так и обращению в собственность земли, отношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, составляет, кажется, единственное условие, которое может доставить какое-нибудь правило для обмена предметов одних на другие. Если, напр., у какого-нибудь охотничьего народа требуется обыкновенно в два раза более труда, для того, чтобы убить бобра, чем для того, чтобы убить дикую козу, то один бобер, естественно будет обмениваться за две диких козы или будет стоить столько. Естественно, что вещь, составляющая обыкновенно продукт труда двух дней или двух часов, должна стоить вдвое больше, нежели та, которая составляет обыкновенно продукт труда одного дня или одного часа
(*Book I, chap. 5*)».

Таково ли действительно основание ценовой ценности всех вещей, за исключением тех, которые не могут быть увеличиваемы промышленностью? Это составляет для политической экономии вопрос громадной важности, так как ниоткуда не вытекало столько ошибок и такого различия мнений в этой науке, как из шаткости значения, которое приписывалось слову ценность.

Если количество труда, заключенное в предмете, регулирует его меновую ценность, то всякое возрастание в количестве труда должно увеличивать ценность предмета, на который употреблен труд, точно так же, как всякое уменьшение количества труда должно понижать ценность.

Но Адам Смит, который с такою точностью определил первоначальный источник меновой ценности и которому надлежало бы, для последовательности, настаивать, что все вещи

бывают большей или меньшей ценности, смотря по большему или меньшему количеству труда, потраченного на их производство, установил, тем не менее, другое мерило ценности и говорит, что вещь имеет ее более или менее, смотря по тому, на большее или меньшее количество этого мерила она обменивается. Иногда говорит он о хлебе, иногда о труде, как о мериле ценности; не о том количестве труда, которое потрачено на производство предмета, но о том количестве, которое может быть куплено за предмет на рынке: точно, будто то и другое выражение совершенно равнозначительные, и будто если труд человека становится вдвое более успешным и человек может поэтому произвести вдвое больше товаров, то он необходимо и получит за свой труд вдвое больше, чем прежде.

Если бы действительно было так, если бы вознаграждение рабочего находилось всегда в соответствии с тем, что он производит, то количество труда, израсходованное на предмет, и количество труда, которое за этот предмет можно купить, были бы одинаковы, и каждое из них могло бы в точности измерять колебания других вещей; но они отнюдь не одинаковы: первое, при многих обстоятельствах, есть неизменное мерило, правильно указывающее на колебания цены других вещей; второе подвержено стольким же колебаниям, как и сами предметы, которые сравниваются с ним. Указав в высшей степени удачно на недостатки непостоянного мерила, каковы золото и серебро, по отношению к определению изменений в ценности других вещей, Ад. Смит сам избрал не менее изменчивую меру, остановившись на хлебе или труде.

Нет сомнения, что ценность золота и серебра подвержена колебаниям вследствие открытия новых и более изобильных рудников; но такие открытия редки, и действие их, хотя и значительное, ограничивается периодами, сравнительно краткой продолжительности. Ценность их подвержена также колебаниям, вследствие улучшений в эксплуатации и в машинах, которыми работают в рудниках, ибо действием таких улучшений большее количество может быть добыто с меньшим трудом. Ценность их подлежит далее колебаниям, вследствие уменьшения количества руды, после того, как рудник в течение целого ряда лет доставлял снабжение всемирному рынку. Но разве хлеб избегает хотя одной из этих причин колебаний? Не колеблется ли его ценность, во-первых, точно также вследствие улучшений в земледелии, в машинах и в земледельческих орудиях, как и вследствие открытия новых пространств плодородной земли, которые могут поступить в обработку в других странах и подействовать на ценность хлеба на каждом рынке, куда допускается свободный ввоз? Не подлежит ли он, во-вторых, увеличению ценности вследствие запрещений ввоза, вследствие возрастания населения и богатства, вследствие возрастания затруднений при добывании большого снабжения добавочным количеством труда, которого требует обработка земель низшего качества? Разве не в такой же степени изменчива ценность труда? Не испытывает ли она не только, наравне со всеми прочими вещами, влияние соотношения между спросом и предложением, неизбежно изменяющееся при всякой перемене в общественной жизни, но также и колебаний в цене пищи и других предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата?

В одной и той же стране может потребоваться в одну эпоху вдвое более труда на производство пищи и других необходимых предметов, чем в другую и более отдаленную эпоху; но вознаграждение рабочего, вероятно, может быть уменьшено лишь весьма незначительно. Если в прежнее время задельную плату рабочего составляло известное количество пищи и других предметов необходимости, то он, вероятно, не мог бы продолжать существовать, если бы это количество было уменьшено. Пища и другие необходимые предметы поднялись бы в этом случае на 100 %, если оценивать возвышение по количеству труда, потребному на производство их, между тем, как ценность их, измеряемая количеством труда, на которое они обмениваются, увеличилась бы лишь незначительно.

То же замечание может быть сделано относительно двух или более стран. В Америке и в Польше годичный труд известного числа людей производит гораздо больше продукта на почве, позже других поступившей в обработку, нежели на подобной же почве в Англии. Если

теперь предположить, что все другие предметы необходимости одинаково дешевы в этих трех странах, то не будет ли большим заблуждением заключать, что количество хлеба, отпускаемое рабочему, должно в каждой из них находиться в соответствии с легкостью производства?

Если бы обувь и одежда рабочего, вследствие улучшения в машинах, стали производиться одной четвертью того труда, который тратится на них в настоящее время, то они, вероятно, упали бы на 75 %; но насколько отсюда еще далеко до предположения, что, благодаря таким условиям, рабочий получил бы возможность потреблять четыре пары платья или обуви, вместо одной, настолько же вероятно, что в непродолжительном времени действие соперничества и залов населения приравняли бы его задельную плату к новой ценности предметам необходимости, на которые она расходуется. Если бы такие улучшения распространялись на все предметы потребления рабочего, то мы, вероятно, нашли бы, что через несколько лет он стал бы располагать некоторой незначительной прибавкой к своему потреблению, хотя бы меновая ценность этих предметов, в сравнении с ценностью других, в производстве которых не произошло никаких подобных улучшений, понизилась бы весьма значительно, и хотя бы они стали продуктом гораздо меньших количеств труда.

Итак, нельзя согласиться с мнением Ад. Смита, что «так как за труд можно иногда купить больше, а иногда меньше благ, то изменяется при этом их ценность, а не ценность труда, за который они покупаются», и что, следовательно, «один только труд никогда не изменяется в своей ценности, что он есть единственное действительное мерило, посредством которого можно определять и сравнивать ценность всех товаров, везде и во всякое время»; но нельзя не разделять другого взгляда Ад. Смита, что «отношение между количествами труда, потребными на приобретение различных предметов, составляет, кажется, единственное условие, которое может установить некоторое правило для обмена одних товаров на другие», или, иными словами, что настоящую и прошедшую относительную ценность товаров определяет то сравнительное количество товаров, которое производится трудом, а не те сравнительные количества их, которые даются рабочему в обмен за его труд.

Относительная ценность двух товаров изменяется, и мы желаем узнать, в котором из них действительно произошло изменение. Если бы мы сравнили настоящую цену одного из них с башмаками, чулками, шляпами, железом, шаром и со всеми другими товарами, то нашли бы, что он обменивается за такое же точно количество всех этих других вещей, как и прежде. Если сравним с теми же товарами другой, то окажется, что отношение его к ним изменилось: мы можем в таком случае с большою вероятностью заключить, что колебание произошло в этом именно товаре, а не в тех, с которыми его сравнивали. Если, при еще более подробном рассмотрении всех обстоятельств, связанных с производством этих различных товаров, мы найдем, что точно такое же количество труда и капитала было необходимо на производство башмаков, чулок, шляп, железа, сахару и пр., но что на производство одного только товара, относительная ценность которого изменилась, потребно иное количество труда, чем прежде, то вероятность превратится в достоверность, и мы будем убеждены, что колебание произошло в одном только товаре: мы открываем в таком случае причину его изменения.

Если бы я заметил, что унция золота обменивается на меньшее количество всех перечисленных выше товаров, и если бы я сверх того нашел, что, вследствие открытия новых и более изобильных рудников, или, вследствие употребления машин с большою выгодой, данное количество золота может быть получено в обмен за меньшее количество труда, то я имел бы основание утверждать, что причина изменения ценности золота относительно других товаров состоит в большей легкости его производства или в уменьшении количества труда, потребного на добычу его. Подобным же образом, если бы ценность труда, по отношению ко всем другим предметам, значительно упала, и если бы я узнал, что ее падение составляет следствие обильного снабжения, поощряемого большою легкостью, с которою производятся хлеб и другие предметы необходимости для рабочего, то, полагая, я имел бы право заключить, что ценность хлеба и

других предметов необходимости упала, вследствие уменьшения количества труда, необходимого на их производство, и что, под влиянием этой легкости снабжения рабочего средствами для содержания, цена труда также упала.

«Нет,

– возражают на это Ад. Смит и Мальтус, —

в примере относительно золота вы были правы, называя изменение его падением его ценности, потому что хлеб и труд в этом случае оставались без изменения, и так как золото стало бы располагать меньшим количеством их, чем прежде, точно также как и всех прочих предметов, то было справедливо заключить, что все вещи остались без изменения, и что изменилось только золото; но если падают труд и хлеб, вещи, избранные нами мерилom ценности, то, несмотря на все изменения, которым, как мы признаем, они подвергаются, было бы в высшей степени несоответственно заключать то же самое; напротив, следовало бы сказать, что хлеб и труд остались без изменения, и что ценность всех прочих вещей возросла».

Но против этого-то способа выражаться я и протестую. Я нахожу, что точно также, как и в примере относительно золота, причина изменения в пропорции между хлебом и другими предметами заключается в уменьшении количества труда, необходимого на производство хлеба, и что, след., рассуждая правильно, я должен назвать эти изменения падением ценности хлеба и труда, а не возвышением ценности вещей, с которыми их сравнивают. Если я нанял рабочего на неделю и вместо 10 шиллингов плачу ему только 8, и если при том не произошло никаких колебаний в ценности денег, то рабочий, пожалуй, приобретет на такой уменьшенный заработок больше пищи и других предметов необходимости, нежели прежде; но это следует приписать уменьшению ценности предметам, на которые расходуется заработная плата, а не возвышению действительной ценности заработной платы, как утверждали Ад. Смит недавно Мальтус. Это две совершенно различные вещи. Тем не менее, когда я называю это падением действительной ценности задельной платы, то говорят, что я ввожу новую, неупотребительную терминологию, несогласную с истинными началами науки. Что касается меня, то я полагаю, что именно мои противники выражаются неупотребительным и несоответствующим делу языком.

Допустим», что рабочий получает бушель хлеба за недельный труд в такое время, когда цена хлеба равняется 80 шилл. за квартал, и бушель с четвертью, когда цена понижается до 40 шилл. Допустим также, что он употребляет со своим семейством полбушеля хлеба в неделю, а излишек обменивает на другие предметы, напр., на топливо, мыло, свечи, чай, сахар, соль и пр.; если три четверти бушеля, которые остаются у него во втором случае, не могут доставить ему столько же перечисленных товаров, как полбушеля в первом, то повысилась бы или упала ценность его труда? Ад. Смит сказал бы, что труд повысился, потому что критерий его – хлеб, и рабочий получит за недельный труд более хлеба; но тому же Ад. Смит следовало бы видеть в этом, напротив, понижение, «потому что ценность вещи зависит от покупательной силы, которую дает обладание ею относительно других благ», труд же стал обладать уже меньшею покупательною силою, по отношению к другим благам.

Отделение второе

Труд различного качества вознаграждается неодинаково, но это не составляет причины колебаний в относительной ценности товаров.

Несмотря на то, что я считаю труд источником всякой ценности, а его относительное количество мерилом, которое почти исключительно определяет меновую ценность товаров, не следует думать, что я не обращаю внимания на различные качества труда и на затруднение сравнивать между собою час или день труда в известной отрасли промышленности с трудом той же продолжительности в другой отрасли. Но оценка разнородных качеств труда приспособляется на рынке скоро и достаточно точно ко всем практическим требованиям и в значительной степени зависит от сравнительной ловкости рабочих и от напряженности их труда. Раз установившаяся сравнительная лестница подвергается лишь незначительным изменениям. Если день труда рабочего ювелира стоит более, чем день более простого рабочего, то это отношение давно уже определилось и заняло надлежащее место в ряду ценностей⁵.

Итак, сравнивая ценность одного и того же товара в различные эпохи, едва ли нужно обращать внимание на сравнительную ловкость и напряженность труда, потребную для производства этого товара, потому что они оказывают одинаковое влияние в ту и в другую эпоху. Сравнивается между собою труд одного и того же рода, исполненный в различное время, и если одна десятая, пятая или четвертая часть труда прибавилась или убавилась, то в относительной ценности товара произойдет соответствующий причине результат.

Если штука сукна стоит в настоящее время две штуки полотна, и если через 10 лет обыкновенная цена штуки сукна будет четыре штуки полотна, то мы вправе заключить, что или требуется более труда на изготовление сукна, или менее на производство полотна, или что обе эти причины действуют совместно.

Так как исследование, к которому я желал бы привлечь внимание читателя, относится к последствию изменений в относительной, а не в абсолютной ценности товаров, то было бы довольно маловажно вникать в сравнительную оценку различных родов человеческого труда. Мы смело можем продолжить, что каковы бы ни были первоначальные неравенства, и как бы ни различались способность, ловкость или время, потребное для приобретения сноровки — неравенства остаются почти одни и те же из поколения в поколение, или, по крайней мере, колебания из года в год весьма незначительны поэтому, в кратковременные периоды они могут оказывать лишь маловажное действие на относительную ценность товаров.

«Отношение между различными уровнями заработной платы и прибыли, в разных приложениях труда и капитала, не находится, по-видимому, как мы уже заметили, в сильной зависимости от богатства или бедности, от общественного прогресса, недвижимого состояния или упадка. Такие

⁵ «Хотя труд составляет действительное мерило ценности всякого товара, но не трудом определяется она обыкновенно. Часто бывает трудно определить отношение, существующее между двумя различными количествами труда. Время, употребленное на исполнение двух различного рода работ, не всегда одно определяет это отношение. Нужно, сверх того, принимать в расчет различную степень употребленных усилий и необходимой ловкости. Один час тяжелого труда может потребовать больших усилий, чем два часа легкого, или в одном часу такого занятия, на изучение которого употреблено было 10 лет, может заключаться больше труда, чем в занятии в продолжение целого месяца обыкновенной работой, не требующею приготовления. Нелегко найти точную меру для определения, как степени затраченных усилий, так и дарования. Правда, при обмене различных продуктов, различных категорий труда обыкновенно принимается отчасти в расчет и то и другое; но обмен этот не определяется какой-либо точной мерой, а составляет результат рыночной борьбы между продавцом и покупателем, устанавливающей тот род грубой справедливости, который, несмотря на неточность, удовлетворителен для обыкновенных житейских сделок». *Wealth of Nations*, book I, chap. 10. *Азм.*

перевороты в общественном благосостоянии должен действительно влиять на общий уровень задельной плате и прибыли, но, в конце концов, они оказывают одинаковое влияние как на ту, так и на другую во всевозможных промыслах. Их взаимное отношение должно, след., оставаться неизменным, и никакой общественный переворот не в силах изменить его, по крайней мере, на продолжительное время
(*Wealth of Nations book chap. I, 10*)».

Отделение третье

На ценность товаров оказывает влияние не только труд, непосредственно употребленный на их производство, но и труд, посвященный на выделку орудий, машин и зданий, служащих производству.

Даже в том первобытном состоянии обществ, о котором идет речь у Адама Смита, дикарю охотнику нужен некоторый капитал, произведенный и накопленный, быть может, им самим и дающий ему возможность убивать дичь. Без какого-либо оружия нельзя убить ни бобра, ни дикой козы, а, след., ценность этих животных определяется не только трудом, необходимым на то, чтобы убить их, но также и временем и трудом, потребными на доставление охотнику капитала, т. е. оружия, которое он употреблял для этого.

Положим, что производство оружия, которым можно убить бобра, потребовало гораздо более труда, нежели изготовление оружия для охоты за дикими козами, вследствие большей трудности приближаться к этим последним животом и, след., необходимости иметь в руках оружие более верное; в таком случае, естественно, что бобр будет стоить больше, нежели две дикие козы, именно потому, что, в общем счете, требуется более труда, чтобы убить бобра. Или, положить, что на производство того и другого оружия было необходимо одинаковое количество труда, но что они различаются долговечностью; на товар может быть перенесена лишь незначительная часть ценности более долговечного оружия, между тем, как на товар, произведенный при помощи менее прочного оружия, перейдет гораздо более значительная часть ценности последнего.

Все орудия, необходимые для охоты на бобров и диких коз, могли бы также принадлежать одному классу людей, между тем как труд, употребляемый на охоту, предоставлялся бы другим классам; но сравнительная цена бобров и коз по-прежнему соответствовала бы как труду, потраченному на приобретение капитала, так и труду охоты на этих животных. Каковы бы ни были сравнительные размеры капитала и труда, как бы ни различалось количество пищи и других предметов, необходимых для поддержания человеческой жизни, во всяком случае люди, доставившие капитал одинаковой ценности для того или для другого промысла, получили бы половину, четверть, одну восьмую произведенного товара, а остаток составил бы заработную плату, которая отдается тем, кто употребил в дело свой труд; но это разделение продукта не могло бы оказывать действия на относительную цену этих товаров, потому что, увеличится ли или уменьшится прибыль, будет ли она составлять 50, 20 или 10 процентов, будет ли высока задельная плата или пища, во всяком случае, оба промысла испытают одинаковое влияние.

Положим, что занятия общества более обширны, так что одни его члены доставляют суда и сети, необходимые для рыбной ловли, а другие – семена и грубые орудия, служащие для первоначальной обработки земли; и в этом случае точно также справедливо будет сказать, что меновая ценность произведенных вещей соответствует труду, истраченному на их производ-

ство, и не только на производство непосредственное, но и на все орудия и машины, требуемые свойством тех видов труда, к которым они прилагаются.

Если мы представим себе такое состояние общества, когда сделаны еще более значительные улучшения, когда процветают искусства и торговля, то мы найдем, что колебания ценности товаров подчиняются тому же принципу: определяя, напр., меновую ценность бумажных чулок, мы увидим, что она зависит от совокупности труда, потребного для их производства и доставки на рынок. Во-первых, сюда войдет труд, потраченный на обработку земли, на которой был взращен хлопок; во-вторых, труд на перевозку хлопка в страну, где изготавливаются чулки (тут подразумевается часть труда, израсходованного на сооружение корабля, перевозящего хлопок, которая вознаграждается из платы за провоз); в-третьих, труд прядильщика и ткача; в-четвертых, часть труда инженера, слесаря и плотника, строивших здания и машины, при помощи которых были произведены чулки; в-пятых, труд мелочного торговца и множества других лиц, относительно которых было бы бесполезно входить в дальнейшие подробности. Общая сумма всех этих разнородных работ определяет количество других предметов, на которое будут обменены чулки, и подобная же оценка различных количеств труда, употребленного на производство других предметов, определит то их количество, которое будет дано за чулки.

Чтобы убедиться, что именно здесь следует искать действительного основания ценности, предположим, что сделано большое усовершенствование, сокращающее труд в одной из различных операций, которым подвергается хлопок прежде, чем чулки могут быть доставлены на рынок для обмена на другие предметы, и обратим внимание на то, что произойдет из этого. Если бы потребовалось менее рук и производство хлопка, если бы стало употребляться менее матросов и корабле, или менее плотников при сооружении корабля, который привел хлопок к нам, если бы менее людей было нанято при постройке зданий и машин, или если бы по сооружении их, увеличилась производительность машин, то ценность чулок неизбежно упала бы, и владелец их стал бы, след., располагать меньшим количеством других вещей. Они понизились бы потому, что на их производство стало бы требоваться меньше труда, и в обмен за нить стали бы, поэтому, давать меньше других вещей, в производстве которых не было сделано подобного сбережения труда.

Сбережение труда всегда и неизбежно понижает относительную ценность товара – все равно, произошло ли оно в труде, необходимом на производство самого товара, или в труде, потребном на образование капитала, при помощи которого производится товар. Пусть потребуется менее белильщиков, прядильщиков и ткачей, занятых непосредственно производством чулок, или менее матросов, извозчиков, инженеров, кузнецов, занятых тем промыслом косвенно: и в том, и в другом случае цена чулок должна будет понизиться. В первом случае все сбережение труда будет отнесено к чулкам, потому что эта часть труда была посвящена всецело производству чулок, во втором – только часть этого сбережения может быть отнесена к чулкам, – остальное же должно быть разложено на все прочие предметы, производству которых служили машины, здания и орудия перевозки.

Предположим, что в малоразвитом состоянии общества, как луки и стрелы охотника, так и суда и орудия рыбака имеют одинаковую ценность и прочность, потому что и те и другие составляют результат одинакового количества труда. При таком положении вещей ценность дикой козы – продукта труда одного дня охотника – будет в точности равна ценности рыбы, пойманной рыбаком также в течение одного дня. Отношение между ценностью рыбы и дикой козы будет всецело определяться количеством труда, заключенного в той и в другой, каково бы ни было количество каждого из продуктов, и независимо от более или менее высокого общего уровня задельной платы или прибыли. Если бы, напр., лодка и орудия рыбака имели 100 ф. ст. ценности, и были бы рассчитаны на десятилетнюю службу, если бы он располагал трудом десяти людей, годовая задельная плата которых составляла бы 100 ф. ст. и труд которых доставлял бы 20 штук семги в день; если бы, с другой стороны, ценность оружия, принадлежащего

охотнику, была также 100 ф., и оно было бы также прочно, и если бы он также давал занятия 10 рабочим, задельная плата которых достигала бы 100 ф. ст., в труд которых доставлял бы ему 10 диких коз в день, то в таком случае естественную цену одной козы должны бы составлять две семги, как бы ни была велика или мала часть всего продукта, отданная рабочим. Размер того, что может быть дано в качестве задельной платы, есть дело величайшей важности для вопроса о прибыли, ибо очевидно, что она должна быть высока или низка, смотря потому, насколько высока или низка задельная плата; но это ни в каком случае не может оказывать влияния на относительную ценность рыбы или дичи, так как размер платы находится на одном и том же уровне и в той, и в другой отрасли промышленности. Если бы охотник захотел заставить рыбака дать более рыбы за дичь, ссылаясь на то, что он истратил большую часть своей дичи или ее стоимости на уплату своим рабочим, то рыбак ответил бы ему, что он и сам находится в совершенно таких же условиях; следовательно, пока труд одного дня будет доставлять тому и другому прежнее количество рыбы и дичи, естественный уровень мены будет тот, что за козу дадут две рыбы, каковы бы ни были при этом колебания задельной платы и прибыли и действие накопления капитала. Если бы прежний труд стал доставлять меньше рыбы или больше дичи, то ценность первой поднялась бы, в сравнении с ценностью второй. Если бы, наоборот, прежнее количество труда стало давать менее дичи или более рыбы, то дичь вздорожала бы, по отношению к рыбе.

Если бы существовал какой-нибудь другой товар, ценность которого оставалась бы неизменной, то, сравнивая с этою ценностью ценность рыбы и дичи, мы могли бы определить с точностью, какую долю этого колебания следует отнести к причине, изменяющей ценность рыбы, и какую к причине, изменяющей ценность дичи.

Предположим, что такой товар деньги. Если семга стоит 1 ф., а коза два фунта, значит, стоимость козы составляют две семги. Но коза может приобрести ценность трех штук семги, во-первых, в том случае, когда требуется более труда на охоту за козами, во-вторых, когда нужно меньше труда на ловлю семги, в-третьих, когда обе эти причины действуют совместно. Если бы существовало подобное неизменное мерило, то было бы легко определить степень действия каждой из этих причин. Если бы семга продолжала продаваться по 1 ф., между тем, как коза поднялась бы до 3 ф., то мы могли бы заключить, что требуется более труда на охоту за козами. Если бы цена козы оставалась 2 ф., между тем, как семга понизилась бы до 13 шилл. 4 п., то мы могли бы быть уверены, что требуется менее труда на ловлю семги, и если бы коза поднялась до 2 ф. 10 ш., а семга упала бы до 16 ш. 8 п., то мы могли бы убедиться, что обе причины участвовали в изменении относительной ценности этих товаров.

Никакое изменение в задельной плате рабочего не могло бы произвести перемены в относительной ценности этих товаров, ибо если предположить даже, что она поднимется, то не большее количество труда потребуется на какой либо из этих промыслов, а только труд будет оплачиваться дороже, и те же доводы, которые побуждали охотника и рыбака настаивать на возвышении ценности их рыбы и дичи, побудят владельца рудника возвысить ценность своего золота. Так как эти причины действовали бы с одинаковою силою на все три промысла, и относительное положение трех предпринимателей было бы одно и то же, как до увеличения задельной платы, так и после него, то и относительная ценность дичи, рыбы и золота не испытала бы никакой перемены. Задельная плата могла бы увеличиться до 20 %, след., прибыль уменьшилась бы в большем или меньшем размере, не причиняя ни малейшего изменения в относительной ценности этих товаров.

Предположим теперь, что, при помощи прежнего количества постоянного капитала, можно добыть более рыбы, но не более золота или дичи; в таком случае, относительная ценность рыбы понизилась бы в отношении к ценности золота или дичи. Если бы, вместо двадцати рыб, в течение одного дня добывалось двадцать пять, то цена каждой из них была бы 16 шилл., вместо одного фунта, и за одну козу давали бы две с половиною рыбы, вместо двух; но цена

коз продолжала бы оставаться 2 ф. Таким же точно образом сравнительная ценность рыбы возросла бы, если бы при прежнем капитале и труде получалось ее менее. Ценность рыбы, след., увеличивалась, или уменьшалась бы единственно вследствие того, что требовалось бы более или менее труда для получения известного количества ее, но это повышение или погашение никогда не могло бы превзойти увеличение или уменьшение необходимого труда.

Если бы у нас было неизменное мерило, посредством которого мы могли бы определять колебания других товаров то мы увидели бы, что крайний предел возвышения, – если товары производятся при требуемых условиях, – находится в соотношении с добавочным количеством труда, необходимого на их производство, и что если не требуется более труда на их производство, то они ни мало не поднимутся. Возвышение задельной платы ничуть не увеличило бы ни денежной ценности товаров, ни ценности их относительно каких-либо других продуктов, производство которых не нуждалось бы в большем количестве труда при одинаковой пропорции капитала постоянного и оборотного, или капитала постоянного одной и той же долговечности. Если бы производство одного из этих товаров потребовало бы большего или меньшего труда, то мы уже показали, что это причинило бы немедленное изменение в их относительной ценности; но это изменение произошло бы вследствие изменения в количестве необходимого труда, а не вследствие возвышения задельной платы.

Отделение четвертое

Употребление машин и другого постоянного и прочного капитала значительно изменяет начало, на основании которого относительная ценность товаров определяется количеством труда, употребленного на их производство.

В предыдущем отделении мы допустили, что снаряды и орудия, потребные для приобретения коз и семги, одинаково прочны и составляют результат одинакового количества труда. Мы признали в то же время, что изменения в относительной ценности коз и семги зависели единственно от различных количеств труда, посвященного на приобретение их; но, во всех состояниях общества, орудия, снаряды, здания, машины, употребляемые в различных приложениях, могут быть неодинаково прочны, и производство их может требовать различного количества труда. Таким же точно образом могут различаться между собою те пропорции, в которых входит в дело капиталы, оплачивающие труд, и капиталы, затраченные в форме орудий, машин, зданий. Это различие в степени прочности постоянного капитала и это непостоянство пропорций, в которых соединяются капиталы того и другого рода, служат новой причиной, которая, независимо от большего или меньшего количества труда, необходимого на производство товаров, способна определять изменения в их относительной ценности. Эта причина есть увеличение или уменьшение ценности труда.

Пища и одежда, потребляемые рабочим, здания, в которых он работает, орудия, облегчающие его труд, – все это вещи, подлежащие уничтожению. Существует, тем не менее, громадная разница в количестве времени, в течение которого служат эти различные капиталы: паровая машина служит гораздо долее, чем корабль, корабль долее, чем платье рабочего, платье рабочего долее, нежели потребляемая им пища.

Смотря по тому, быстро ли исчезает и требует ли частого возобновления капитал, или же он потребляется медленно, в нем различаются две категории: постоянный и оборотный

капитал⁶. Относительно пивовара, здания и машины которого имеют значительную ценность и прочность, утверждают, что он употребляет большое количество постоянного капитала; напротив того, относительно башмачника, капитал которого расходуется главным образом на задельную плату, дающую возможность рабочему приобрести себе пищу и платье – товары менее прочные, нежели здания и машины, говорят, что он употребляет значительную часть своего капитала в форме капитала оборотного.

Следует также заметить, что оборотный капитал может оставаться в обращении или возвращаться в своему владельцу в течение весьма неодинаковых промежутков времени. Пшеница, которую фермер покупает для посева, непостоянный капитал в сравнении с пшеницей, которую покупает булочник для приготовления хлеба. Первый вверяет его земле и выручает обратно не раньше, как по истечении года; второй может обратить его в муку, продать потребителям в виде хлеба и в конце недели иметь его снова в готовности для возобновления того же предприятия или для обращения на другое.

Может, след., случиться, что в двух отраслях промышленности затрачена одинаковая сумма капитала, но этот капитал может быть подразделен весьма неодинаково на доли постоянную и оборотную. В одной из этих отраслей может быть употреблена лишь весьма незначительная часть капитала в форме капитала оборотного, иными словами, в форме заработной платы: главнейшая же часть может быть обращена в машины, орудия, здания, в предметы, предоставляющие капитал сравнительно постоянного и прочного характера. В другой отрасли, напротив того, точно такая же сумма капитала будет, быть может, посвящена оплате труда, и лишь остаток обратится в здания, орудия и машины. Возвышение задельной платы несомненно подействует не одинаковым образом на товары, произведенные при столь различных обстоятельствах.

Еще более, два предпринимателя могут употреблять одинаковую сумму капитала постоянного и капитала оборотного, и, тем не менее, прочность их постоянного капитала может быть весьма различна. У одного могут быть паровые машины, стоящие 10,000 ф. стерл., у другого корабли той же ценности.

Если бы люди обходились в производстве вовсе без машин, а употребляли бы один только труд, и если бы продолжительность труда, от начала производства до доставки товаров на рынок, была одинакова, то меновая ценность с товаров в точности соответствовала бы количеству затраченного труда.

Точно также, если бы они употребляли капитал одной и той же ценности и одной и той же прочности, то и в этом случае ценность произведенных товаров была бы одинакова и изменялась бы только под влиянием большего или меньшего количества труда, посвященного на их производство.

Но хотя товары, произведенные при сходных обстоятельствах, не будут подвергаться взаимным изменениям, зависящим от каких либо других причин, кроме увеличения или уменьшения количеств труда, потребного на производство того или другого из них, но при сравнении их с другими товарами, которые не были произведены с помощью относительно одинакового количества постоянного капитала, они станут испытывать влияние другой причины, о которой я уже упоминал, – именно, возвышения ценности труда; и эта причина существовала бы даже в том случае, когда на производство каждого из них употреблялось бы труда не более и не менее. Ячмень и овес, каковы бы ни были изменения в задельной плате, всегда оставалась бы в одинаковом отношении друг к другу. То же самое было бы с бумажными и суконными тканями, если бы и они производились при одинаковых обстоятельствах; но если бы произошло повышение или понижение задельной платы, то ячмень мог бы подняться или упасть относительно бумажных тканей, а овес относительно сукон.

⁶ Деление малосущественное и не допускающее вполне точной разделительной черты. *Авт.*

Предположим, что каждое из двух лиц употребляет ежегодно по 100 человек на постройку машин, и что третье лицо употребляет то же самое число рабочих на разведение хлеба: ценность каждой из машин будет в конце года столь же велика, как и ценность хлеба: потому что каждый из этих товаров будет произведен одинаковым количеством труда. Предположим теперь, что владелец одной из машин, в течение следующего года, употребляет ее, при участии 100 рабочих, на выделку сукна, и что владелец другой машины изготовляет, при ее помощи, таким же числом рук, бумажные материи, между тем, как фермер продолжает, по-прежнему, употреблять труд 100 рабочих на возделывание хлеба. В течение второго года все они употребят одинаковую сумму труда; но товары и машины фабриканта бумажных материй, как и фабриканта сукон, составят результат труда двухсот человек, работавших один год, или, скорее, труда ста человек, работавших два года, между тем, как хлеб будет произведен трудом ста рабочих в течение одного года; там что, если ценность хлеба равняется 500 ф., то ценность машин и продуктов фабриканта сукон будет равняться 1000 ф., а ценность машин и хлопчатобумажных товаров фабриканта бумаги также должна быть вдвое больше, нежели ценность хлеба. Но ценность всего этого будет превышать ценность хлеба не только вдвое, но более, так как прибыль с капитала обоих фабрикантов за первый год была бы присоединена к их капиталам, между тем, как прибыль фермера была бы издержана или прожита. И так, если взять в соображение большую или меньшую прочность их капиталов, или, что то же самое, тот промежуток времени, который должен пройти прежде, чем может быть доставлен на рынок известный сорт товаров, то ценность их не будет вполне соответствовать количеству труда, служащего для их производства. Ценность эта превзойдет несколько отношение 2:1, чтобы вознаградить за более продолжительное время, которое должно пройти, пока наиболее дорогой продукт может быть пущен в продажу.

Предположим, что труд каждого рабочего обходится ежегодно в 50 ф., или что употребляется 5000 ф. капитала; в таком случае, при уровне прибыли в 10 %, ценность каждой машины, точно также, как и хлеба, будет на конце первого года равна 5500 ф. В течение второго года, как фабриканты, так и фермер, затратят снова по 5000 ф. каждый на заработную плату, и продадут, след., свои товары за 5500 ф. Но чтобы быть в равных условиях с фермером, фабриканты должны получить не только 5500 ф. взамен равного капитала в 5000 ф., употребленного на вознаграждение за труд: им следует получить сверх того сумму в 550 ф., как прибыль на 5500 ф., истраченных на машины, а след., их товары должны быть проданы за 6050 ф. стерл. Итак, ясно, что капиталисты могут посвящать ежегодно совершенно одинаковое количество труда на производство товаров, и, тем не менее, ценность этих товаров будет не одинакова, вследствие того, что не одинаковы употребляемые ими количества постоянного капитала или накопленного труда. Ценность сукна и ценность бумажных материй не будут разниться между собою, потому что как то, так и другое составляют результат одного и того же количества труда и постоянного капитала; но ценность хлеба отличается от ценности этих товаров, потому что, в отношении к постоянному капиталу, хлеб производился при других условиях.

Но каким образом возвышение задельной платы может оказывать влияние на их относительную ценность? Очевидно, что отношение между ценностью сукна и бумажных материй не изменится, ибо, как мы предположили, то, что действует на один из этих товаров, точно также действует и на другой; относительная ценность пшеницы и овса, равным образом, не потерпит никакого изменения потому, что оба эти товара произведены при одинаковых условиях, по отношению как к постоянному, так и к оборотному капиталу; но отношение между хлебом и сукном или бумажными материями должно измениться, под влиянием возвышения ценности труда.

Всякое увеличение ценности труда необходимо влечет за собою понижение прибыли. Так, если хлеб распределяется между фермером и рабочим, то чем больше достанется последнему, тем меньше придется на долю первого. Точно также, если сукно и бумажные материи

разделяются между хозяином и рабочим, то доля второго возрастает не иначе, как в ущерб доле первого. Предположим теперь, что, благодаря увеличению заработной платы прибыль падает с 10 на 9 %; вместо того, чтобы присоединить к средней цене своих товаров (5500 ф.), в качестве прибыли на постоянный капитал, сумму в 550 ф., фабриканты присоединили бы к ней в таком случае только 9 % на эту сумму или 495 ф., так что цена была бы 5995 вместо 6050. Но так как цена хлеба оставалась бы прежняя, т. е. 5500 ф., то ценность мануфактурных продуктов, на которые требуется более постоянного капитала, понизилась бы относительно хлеба или всякого другого товара, на который затрачивается менее постоянного капитала. Степень изменения в относительной ценности товаров, под влиянием увеличения или уменьшения задельной платы, зависела бы от пропорции между постоянным капиталом и общей суммой затраченного капитала. Понизилась бы относительная ценность всех товаров, производимых более ценными машинами, в дорогостоящих постройках, или тех, которые требуют много времени, прежде, чем могут быть доставлены на рынок, между тем, как повысилась бы относительная ценность тех товаров, которые производятся главным образом посредством труда и могут быть быстро доставлены на рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.